

В.В. Дементьева, Р.М. Фролов

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ CONTIONES КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сontio (сходка) римского народа – собрание, не принимавшее (в отличие от comitia) решений, имевших юридическую силу (Gell. N.A. XIII. 16. 3¹). Сходка обладает рядом характеристик, делающих ее, на первый взгляд, «неинтересным» объектом исследования в смысле изучения государственного устройства: собрание не имело явных правовых последствий², строгой локализации, организации аудитории, сферы компетенции. Иногда исследователи указывали даже на необязательность статуса полноправного гражданина для фактического участия в сходке³. Отличительная черта сходки – проведение собрания без официального решения – обусловила длительное отсутствие должного интереса к ее изучению⁴. Вплоть до последней четверти XX в. проблематика contio ни разу не оказывалась в центре поля зрения исследователей⁵,

¹ «contionem» autem «habere» est verba facere ad populum sine ulla rogatione.

² Кроме выступлений suasio/dissuasio, которые могли привести к отводу rogationes. Тем не менее и в этом случае решение об отводе мог принять только сам rogator – сходка решений не принимала. См. *Моро Ф.* Sublata priore lege. Отвод rogationes как способ внесения поправок к законодательным проектам в конце республики // ВДИ. 2004. № 4. С. 154–165; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd III. Lpz, 1887. S. 394–396.

³ *Моммзен Т.* История Рима. В 5 томах. Т. 2. Кн. 4. М., 2001. С. 107.

⁴ Поскольку законы на сходке не принимали, исследователи, использовавшие формально-юридический подход, не отмечали самостоятельной роли contio в политической жизни Рима. См., например: *Staveland E.S.* Greek and Roman Voting and Elections. Ithaca–New York, 1972. P. 148; *Loewenstein K.* The Governance of Rome. La Haya, 1973. P. 113–115, 184. Часто это можно наблюдать и в современных исследованиях: *Cizek E.* Mentalités et Institutions politiques romaines. P., 1990. P. 181; *Mousourakis G.* The Historical and Institutional Context of Roman Law. Ashgate, 2003. P. 105–106 (перечисление можно продолжить).

⁵ Сходки очень быстро затрагиваются в классических трудах обобщающего характера и справочной литературе (см. об этом: *Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. P. 1–3; *Flaig E.* L'assemblée du peuple à Rome comme rituel de consensus. Hiérarchie politique et intensité de la volonté populaire // Actes de la recherche en sciences sociales. 2001. № 4. P. 20; *idem.* Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 194). Замечания Людвига Ланге (*Lange L.* Römische Alterthümer. Bd I. 2. Aufl. B., 1863. S. 342, 486–488, 519, 607, 609, 670, 675–676, 705, 711; Bd II. 1. Aufl. B., 1862. S. 390–394, 416–418, 451, 458, 464, 471, 602–609), Теодора Моммзена (*Моммзен.* История Рима. Т. 1. Кн. 1. С. 81; Т. 2. Кн. 4. С. 107–108; *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. Bd I. Lpz, 1887. S. 191–206; Bd III. Lpz, 1887. S. 374–375, 394–396; *idem.* Römisches Strafrecht. Lpz, 1899. S. 165–166) и Эрнста Херцога

хотя значение сходок признавалось. Н.Н. Трухина писала: «Без этих бурных собраний невозможно представить себе политическую картину Рима»⁶.

Основоположником специального изучения римской *contio* стал испанский исследователь, профессор университета Сарагосы Франциско Пина Поло, активно работающий и в настоящее время⁷. На прозвучавший еще в 1976 г. призыв Клода Николе «систематически изучать многочисленные *contiones*... чтобы лучше понять римский политический механизм», он откликнулся первым⁸. Наиболее важной, фундаментальной является опубликованная в 1989 г. монография «Гражданские и воинские *contiones* в Риме»⁹. Результатом дальнейших исследований Ф. Пина Поло стала книга «*Contra arma verbis*. Оратор перед народом в Поздней Римской республике»¹⁰. В его трудах рассматриваются сходки почти всех форм (воинские и гражданские, политические и судебные, предкомициальные и самостоятельные, т.е. непосредственно не предшествовавшие комициям) и на всем хронологическом отрезке их функционирования. Лишь в работах этого автора можно найти подробный анализ собственно организации сходок, в то время как в других исследованиях акцент делается на практике функционирования института.

После публикации первой монографии Пина Поло по данной теме появилось немало исследований, где римской *contio* было уделено заметное место¹¹.

(Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd I. Königzeit und Republik. Lpz, 1884. S. 634–636, 1057–1059) являются довольно емкими, однако даже у этих исследователей сходка определяется как институт с юридической точки зрения незначительный. Необходимо особо выделить более интересные в данном отношении работы Л. Росс Тейлор (Ross Taylor L. Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar. Ann Arbor, 1966. P. 2–3, 7, 15–23, 25, 28–33, 45, 56–58, 61–62, 71, 74, 81, 101–103, 108, 111–112) и Й. Бляйкена (Bleicken J. Lex publica: Gesetz und Recht in der Römischen Republik. B.–N.Y., 1975. S. 53, 262–263. Anm. 50. S. 282, 290–292).

⁶Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской Республики (II в. до н.э.). М., 1986. С. 28.

⁷Авторы, писавшие о *contio* после испанского романиста, в подавляющем большинстве работают, на наш взгляд, в целом, в русле его концепции.

⁸Nicolet C. Le métier de citoyen dans la Rome Républicaine. P., 1976. P. 390.

⁹Pina Polo. Las contiones...

¹⁰Издание на немецком языке: *idem*. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik. Stuttgart, 1996 (мы воспользовались этим вариантом). Издание на испанском языке: Pina Polo F. Contra Arma Verbis: El Orador Ante El Pueblo En La Roma Tardorrepública. Zaragoza, 1997. Мы сердечно благодарим доктора К. Тирш (Claudia Tiersch, Dresden) за неоценимую помощь в получении основных работ Пина Поло. См. также Колосова О.Г. Рец.: Pina Polo F. Contra arma verbis. Der Redner vor dem Volk in der späten römischen Republik. Stuttgart, 1996 // ВДИ. 1999. № 4. С. 199–205.

¹¹Ввиду большого количества специальной литературы (ее анализ – задача отдельного исследования), обозначим только наиболее важную: Millar F. Popular Politics at Rome in the Late Republic // Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz / Ed. I. Malkin, Z.W. Rubinson. Leiden–New York–Köln, 1995. P. 91–113; Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik / Hrsg. M. von Jehne. Stuttgart, 1995; Laser G. Populo et scaenae serviendum est: Die Bedeutung der städtischen Masse in der Späten Römischen Republik. Trier, 1997 (выражаем благодарность автору за предоставленную возможность познакомиться с его работой); Bell A.J.E. Cicero and the spectacle of power // JRS. 1997. 87. P. 1–22; Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor–Michigan, 1998; Aldrete G.S. Gestures and Acclamations in

В отечественной историографии работы, посвященные данному институту, немногочисленны¹². В целом же в качестве важнейшего результата проведенных на сегодняшний день исследований можно с уверенностью констатировать, что восприятие *contio* как института, игравшего непринципиальную или крайне «неопределенную» роль, выглядит ошибочным. Стало и очевидным, и доказанным, что фактическое принятие решений комициями являлось во многом результатом функционирования именно сходки, не говоря уже о других (агитация, информация и т.п.) аспектах, свидетельствующих в пользу значимости этого института. Самому Пина Поло, бесспорно, удалось доказать, что римская народная сходка – политический институт, регламентировавшийся множеством конституционных традиций, обычаями предков и даже конкретными зафиксированными в источниках законами.

Ancient Rome. Baltimore–London, 1999; *Yakobson A.* Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic. Stuttgart, 1999. P. 11, 14, 24, 69, 90, 187; *Mouritsen H.* Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2001; *Flaig*. L'assemblée du peuple...; *Millar*. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 1: The Roman Republic and the Augustan Revolution / Ed. H.M. Cotton, G.M. Rogers. Chapel Hill–London, 2002; *Flaig E.* Ritualisierte Politik...; *Moreau Ph.* Donner la parole au peuple? Rhétorique et manipulation des contiones à la fin de la République romaine // Argumentation et discours politique. Antiquité grecque et latine, Révolution française, monde contemporain. Actes du colloque intern. de Cerisy-la-Salle / Ed. S. Bonnafous, Chiron P., D. Ducard, C. Lévy. Rennes, 2003. P. 175–189; *Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004; *Bell A.J.E.* Spectacular Power in the Greek and Roman City. Oxf., 2004; *Моро*. Sublata priore lege... С. 154–165; *Reese A.* Die Bürger und ihr Kaiser: die plebs urbana zwischen Republik und Prinzipat. PhD Diss. Ruhr-Universität Bochum, 2004. S. 36–40, 46–47, 51–52, 63–64, 133 (<http://deposit.ddb.de>); *Hölkeskamp K.-J.* Senatus Populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Stuttgart, 2004. S. 86, 162, 234–256, 261, 263, 269, 278; *Hiebel D.* Rôles Institutionnel Et Politique De La Contio Sous La République Romaine (287 Avant J.C.–49 Avant J.C.). P., 2004 (эта работа осталась для нас, к сожалению, недоступной); *Sumi J.S.* Ceremony and Power Performing Politics in Rome between Republic and Empire. Ann Arbor, 2005; A Companion to the Roman Republic / Ed. N. Rosenstein, R. Morstein-Marx. Oxf., 2006 (некоторые статьи); *Connolly J.* The State of Speech: Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome. Princeton, 2007. P. 31–32, Not. 30. 33–34, 38, 41, 45, 47–48, 60. В современных обобщающих трудах contiones по-прежнему рассматриваются очень скупо (см., например: *Liou-Gille B.* Civis Romanus. Initiation aux institutions et à la vie politique romaines sous la République. Rome, 1991. P. 21, 73; *Lintott A.* The constitution of the Roman Republic. Oxf., 1999. P. 42–43, 60, 196).

¹² Воинской сходке периода Империи уделил значительное внимание А.В. Махлаюк (*Махлаюк А.В.* Воинское товарищество и корпоративность римской императорской армии // ВДИ. 1996. № 1. С. 18–37; *он же.* Воинская сходка в жизни римской армии и политическом механизме римской империи // Власть, человек и общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 131–141; *он же.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31–48; *он же.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. Особ. с. 208–227. О гражданской сходке см. *Смышляев А.Л.* Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (по поводу концепции Ф. Миллара) // ВДИ. 2003. №3. С. 46–50. Недавняя статья А.М. Сморгачева (*Сморгачев А.М.* Понтифики и собрания граждан (contiones, concilia, comitia) в эпоху Римской республики // ВДИ. 2007. № 3. С. 47–66), несмотря на то что в ее названии значатся contiones, содержит лишь один абзац, непосредственно посвященный сходкам и касающийся констатации прерогатив жрецов в области созыва сходки.

Однако на этом новом этапе исследований обнаружилась, на наш взгляд, и новая сложность. Пина Поло стремился доказать теперь уже исключительную «официальность», «институциональность» *contiones*, он весьма скептически отнесся к тем эпизодам, которые противоречили такой интерпретации придя в результате, к выводам, прямо противоположным тем, что превалировали до этого, когда сходка часто определялась только как «неформальное» собрание. Пина Поло искал наиболее четко определенные в формально-юридическом отношении виды *contiones*, аргументируя их несомненную значимость для изучения республиканской государственно-правовой системы. Это стремление – показать конституционную роль римских сходок – привело его к сознательному «дистанцированию» от менее «надежных» с этой точки зрения вариантов сходки.

Существенным является само определение сходки, данное Пина Поло. Исследователь подчеркивает, что сходка – это элемент республиканской конституции, это собрание «юридически вполне определенное» (*juridicamente bien definido*)¹³, официально созываемое, где председатель – всегда магистрат¹⁴. Пина Поло интересуется «юридико-институциональное» (*jurídico-institucional*) содержание *contio*¹⁵, он ищет термины, отражавшие «конкретную институциональную реальность» (*realidad institucional concreta*)¹⁶. Иначе говоря, исследователь считает, что сходка была государственно-политическим институтом. Но, с другой стороны, сходка для него – это важный элемент политической культуры¹⁷, политический инструмент¹⁸, а выступать на ней могли не только магистраты, но и те, кто обладал лишь *auctoritas* и *dignitas*¹⁹. Главное же содержание института народной сходки – это коммуникативная функция²⁰, обращение к народу без внесения законодательного предложения.

Таким образом, испанский антиковед фокусирует свое внимание на сходках, которые можно определить как «официальные», т.е. созываемые и руководимые должностными лицами²¹. Именно такая сходка наилучшим образом и однозначно может трактоваться как государственно-политический институт, имеющий (хотя и косвенное) отношение к процедурам выработки решений и фиксируемый определенными законами, устойчивыми традициями и обычаями. Пина Поло, однако, видит в источниках описания собраний, не созывавшихся должностным лицом, но имевших схожие с официальной сходкой черты организации, в

¹³ *Pina Polo. Las contiones...* P. 237.

¹⁴ *Idem. I rostra come espressione di potere della aristocrazia romana // Popolo e potere nel mondo antico, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2004. Pisa, 2005. P. 142.* Термин «магистрат» далее мы используем для краткости, поскольку *potestas contionandi* обладали также некоторые жрецы и, конечно, плебейские трибуны.

¹⁵ *Idem. Las contiones...* P. 3.

¹⁶ *Ibid.* P. 2.

¹⁷ *Idem. I rostra...* P. 142.

¹⁸ *Idem. Contra arma...* S. 172.

¹⁹ *Idem. I rostra...* P. 145.

²⁰ *Idem. Las contiones...* P. 237.

²¹ Типологии конций уделено основное внимание в монографии Пина Поло (*Las contiones...* P. 92–170, 176–181, 206–218, 223–228). Мы применяем другую классификацию, см. *Фролов Р.М. Типология contiones Римской республики // Государство. Общество. Религия. Проблемы всемирной истории. Сб. науч. тр. Ярославль, 2007. С. 25–33.*

частности, возглавлявшихся «председателем», не являвшимся (в обязательном порядке²²) магистратом или плебейским трибуном (сходки неофициальные, или, – можно их обозначить и так, – «несанкционированные»). Однако Пина Поло каждый раз аргументирует отказ от рассмотрения их в качестве имеющих отношение к институту сходки, исследователь не выделяет как объект изучения такие несанкционированные собрания. Сходка, по его мнению, – всегда официальное собрание, возглавлявшееся магистратом.

Мы считаем необходимым проанализировать информацию источников, где описывается сходка, не возглавлявшаяся магистратами. Остановимся на некоторых таких (наиболее важных) эпизодах.

1. Описание Ливием и Дионисием Галикарнасским обострения долговой проблемы 495–494 гг. до н.э. По сообщению Ливия, во время долгового конфликта «инициативу созвать» несанкционированное собрание «взял на себя» некий старец, недовольный тем, что всю жизнь прослужив в армии, теперь получает удары плетью как раб (Liv. II. 23). Дионисий пишет, что старец встал на место, с которого должен был быть виден большинству (VI. 26). Не только следы ударов, но и сама речь старца вызвала мощный эффект. Следовательно, в передаче традиции, явно произносилась публичная речь частного лица, однако магистраты не пытались воздействовать на ситуацию. Последняя вышла за рамки типичной, видимо, тогда, когда поднялся громкий крик, и волнению (*tumultus*) стало уже мало места на форуме, оно разливается по всему городу. Таким образом, когда речи были «исчерпаны» и плебеи перешли к действиям, завершается спонтанно возникшее собрание, и начинается, с точки зрения Ливия, «мятеж». В конце концов «мятеж» вновь входит в легитимные (даже с позиции самых консервативных сенаторов) рамки, когда магистрат возглавил собрание, обратившись к толпе с речью. Дионисий пишет, что консул Сервилий был вынужден через глашатая объявить предварительный эдикт, – т.е. пошел на уступки, признал требования толпы и т.д. Когда народ собрался вновь, требуя, видимо, более серьезных мер, сенат сам просил Сервилия исправить положение. Тогда уже лично консул выступил с объяснениями перед самовольно собравшимися, признав их требования, и глашатай объявил более приемлемый для плебеев эдикт (Dionys. VI. 28–29).

В описании Ливием событий 494 г. до н.э. (II. 28–30) отмечается, что плебеи собирались на ночные сходки (*coetus*) на Авентине и Эсквiline для того, чтобы скоординировать действия уже на форуме. Консулы сочли это опасным и поспешили обратиться в сенат, который, в свою очередь, напомнил, что нужно было вовремя использовать воинский набор для предотвращения возникшей теперь ситуации: «Конечно, говорили они, будь в государстве настоящие правители, не было бы в Риме собраний, кроме общенародного; теперь же по тысяче курий и народных сходок (*curias contionesque*) рассеяно и разделено общее дело – иные на Эсквiline, а иные на Авентине» (Liv. II. 28. 3; пер. Н.А. Поздняковой). «Как на сходке» (*in contionis modum*) стала толпа кричать, что не позволит консулу набрать войско. В результате проявленной плебеями солидарности остался только один легитимный выход – отчасти уступить плебсу, назначив удобного ему диктатора. В данном пассаже можно видеть, что сходки плебса без участия магистратов обозначаются и *coetus*, и *in contionis modum*, и

²² «Частные» сходки (см. ниже), которые Пина Поло (*Las contiones...* P. 6) к официальным не относит (и мы с ним в этом солидаризируемся), тем не менее зачастую возглавлялись должностными лицами (см., например: Liv. III. 36. 2).

собственно *contio*. Собравшиеся *in contionis modum* плебеи стремились услышать от консула ответ на свои требования и критику, т.е. легализовать собрание. Плебейская масса действовала, в изложении Ливия, как единое целое, таким образом, сходки плебса, несмотря на отсутствие магистратов, в его изложении выглядят весьма хорошо организованными: сначала предварительные совещания, затем общее собрание на форуме. Наличие лидеров и организованности плебеев подтверждается тем, что ни один из новобранцев не отозвался на вызов консулов. Имевшее место насилие в отношении ликтора можно рассматривать как ответ на насилие самого ликтора (новобранец имеет право апеллировать к народу, и тот дает свою защиту), но никак не свидетельство нелегальности проведения такого собрания. Следовательно, несанкционированные сходки, возглавлявшиеся плебейскими лидерами, явились в описываемых событиях главным стабилизирующим фактором, действовавшим в пользу общественного интереса.

Из изложения этого эпизода в античной традиции можно также заключить: важное свойство несанкционированной сходки состояло в том, что она отражала чаще всего насущные и самые важные, «опорные» устремления людей: потребность в защите, пище, соблюдении минимума гражданских прав²³. В том случае, если данный минимум не обеспечивался, по-видимому, и возникало несанкционированное собрание. И если оно имело массовый (но при этом организованный – в плане подчинения «организующему началу» в лице инициаторов, лидеров) характер, то служило лучшим указанием для должностных лиц на действительно волновавшие собравшихся людей вопросы.

2. Описание Ливием (II. 32–33) и более подробно Дионисием (VI. 70–90) первой сецессии плебеев 494 г. до н.э. Согласно этим сведениям, не обладавший никакими официальными полномочиями «вождь» плебса Сициний (Ицилий) инициировал сходку и, более того, руководил ею, подобно магистрату-председателю официального собрания, предоставляя слово, управляя течением сходки и т.д. «Предварительные договоренности» (в том числе по поводу плебейского трибуната), которые были достигнуты плебсом и патрициатом именно на этой несанкционированной сходке, были закреплены в публично-правовой системе. Предложения плебеев принимались и подтверждались постановлением сената, весь процесс (так, как будто перед этим речь шла об официальной предкомициальной *contio*) завершился голосованием выработанных мер. По рассказу античных авторов произошло признание сенатом правомочности требований, выдвинутых на собрании, а значит, можем мы сделать вывод – и о правомочности самого этого собрания.

В описании Ливия (II. 32) упоминаются тайные сходки (*coetus*) и заговоры, которые наводят страх на сенаторов. Подчеркивается, что воины удаляются на гору по совету «некоего» Сициния. Там они без всякого предводителя (*dux*) соорудили лагерь. Учитывая сообщение Дионисия, а также слова самого Ливия о Сицинии, тот факт, что народ действовал совсем безо всякого руководства, выглядит сомнительно.

Кажется неслучайным, что именно сецессия вооруженного плебса, фактически основной части армии, находит наиболее полный аналог с ситуацией провозглашения императора на *contio militaris*²⁴. Этот уникальный пример дает нам возможность предположить, как могла аудитория несанкционированной сходки реагировать на председателя, не обладавшего *potestas contionandi*. Собравшиеся

²³ Ср. *Laser*. *Op. cit.* S. 231–232.

²⁴ См. соответствующие работы А.В. Махлаюка.

сознательно подчинились руководству вождей, действовавших с этого момента как вполне законные председатели, которым были делегированы права созыва сходки, но не в форме магистратских выборов, а в форме «молчаливого признания» собравшимися.

3. Описание Ливием и Дионисием (Liv. III. 39–41; Dionys. XI. 5) попытки сопротивления некоторых сенаторов всевластию вторых децемвиров (450–449 гг. до н.э.). В их повествовании сенатор Луций Валерий Потит вызвал замешательство децемвиров, объявив о своем намерении обратиться к плебеям. Другой сенатор, Марк Гораций Барбат, говорил, что децемвиры – уже частные лица, и если им дозволено собирать сенаторов, то почему он, сенатор, не может созвать сходку (*ad contionem populum vocare*)? Античная традиция передает, что сенаторы были готовы обратиться к той стихии, которой всегда опасались, лишь бы лишиться власти децемвиров: «В самом деле, что помешает любому желающему из нас созвать народное собрание и выступить против вашей власти, которую вы имеете вопреки законам?» (Dionys. XI. 5. 4; пер. В.Н. Токмакова). И не были ли тогда именно организация сходов без участия магистратов одним из главных способов противостояния общины узурпаторам? В случае нарушения законности несанкционированная магистратами сходка была приемлема даже для сенаторов, ибо если им, сенаторам, «не позволят выступить в сенате, они-де обратятся прямо к народу, ибо частные лица не вправе мешать им ни в курии, ни в собрании» (Liv. III. 41. 1; пер. Г.Ч. Гусейнова). Данный эпизод свидетельствует, на наш взгляд, о том, что частному лицу никто не мог запретить говорить перед народом (т.е. «созывать» *contio*), кроме тех носителей должностной власти, кто обладал для этого законными полномочиями. Поскольку на втором году после вступления на годичную должность децемвиры ими не обладали, сенаторы грозились использовать последнее средство: обращение частного лица к народу по собственной инициативе. Обращение, которому не в силах были помешать другие частные лица, а законных магистратов в это время не было.

4. Описание Ливием (IV. 13–16) и Дионисием (XII. 1–4) «мятежа» Спурия Мелия (440–438 гг. до н.э.). Ливий употребляет выражение *contiones domi habere*, повествуя о сходке, инициированной частным лицом в собственном доме. Пина Поло полагает, что Ливий, «делая» Мелия частным лицом, хотел подчеркнуть незаконность его действий, его стремление к тирании и монархии, ведь «невозможно» (*no es creíble*), чтобы частное лицо созывало *contiones*. По мнению Пина Поло, либо Мелий был плебейским трибуном (он усматривает такую возможность в информации Дионисия) и созывал сходки «легально», либо, согласно утверждению Ливия, имели место «простые частные (домашние) собрания» (*simples reuniones privadas*), которые «невозможно» (*no se puede*) квалифицировать как *contiones*²⁵. Следовательно, для Пина Поло важна легальность со-

²⁵ *Pina Polo. Las contiones...* P. 6. Не ясно, почему Пина Поло полагает, что из сообщения Дионисия можно сделать вывод о том, что Мелий был в это время плебейским трибуном: «Спурий Мелий... в силу же возраста и принадлежности к всадническому сословию не имевший права занимать должности...» (Dionys. XII. 1.1; пер. А.М. Сморгачева). Утверждение Пина Поло о том, что существовала традиция, в которой был зафиксирован трибунат Мелия (Las contiones... P. 6. Not. 8; Liv. IV. 15. 6; 21. 3), не содержит, на наш взгляд, убедительных аргументов. Таким образом, Мелий был, по сообщению традиции, частным лицом, и речь в этом эпизоде шла о сходках несанкционированных, даже несмотря на то что Дионисий пишет, что Мелий постоянно проводил народные сходки открыто, восседаая, подобно магистрату, на возвышении (XII. 5–6).

брания – характеристика, которая позволяет отнести его к сходкам. Но сходки, созывавшиеся частными лицами, согласно исследователю, по определению не могли быть легальными, а значит не являлись и сходками. Но так ли это?

Обратим внимание на то, что когда сенаторы (в описании Ливием этих событий) стали обвинять консулов в попустительстве в организации подобных собраний, те ответили, что связаны законом об апелляции и только диктатор может действовать вопреки этому закону. Иначе говоря, право косвенно защищало подобные сходки. Даже когда диктатор был назначен, он заявил на официальной *contio*, что Мелия покарала за неявку к диктатору по вызову начальника конницы. Обвинений в «незаконном» созыве сходки (частными лицами) мы в словах Ливия, вложенных в уста диктатора, не находим (Liv. IV. 15. 1). Формулировка же обвинения в «стремлении к царской власти» иллюстрирует тенденцию пропатрицианской историографии, в том числе ее отношение к несанкционированным сходкам. Утверждать это можно, опираясь, в частности, на статью В.Н. Токмакова, где затрагивается и эпизод с Мелием²⁶. Исследователь считает, что вообще санкции закона о стремлении к царской власти были направлены исключительно против тех, кто пытался демократизировать общественное и политическое устройство римской *civitas*²⁷. Ярko это видно и на следующем примере.

5. Описание Ливием (VI. 11–20) «мятежа» Марка Манлия (385–384 гг. до н.э.). По поводу этого события Токмаков отмечает следующее. Характерно, что одним из обвинений было устройство Манлием в своем доме подобия сходок (Liv. VI. 14. 11). Сход плебеев в частный дом сравнивается с сецессией плебеев, только на этот раз в сердце города (Liv. VI. 19. 1). Ливий признает (VI. 19. 5), что для борьбы с Манлием «не имелось никаких правовых норм»²⁸. На наш взгляд, эта констатация может свидетельствовать о том, что сам созыв Манлием несанкционированных сходок вовсе не был подвержен санкции закона, если Ливий даже ссылки на стремление к царской власти (в дополнение к обвинению в созыве сходок) называет недостаточно вескими доказательствами. Можно согласиться с тем, что «...волшебным ключом к осуждению выдвигалось обвинение в стремлении к царской власти...»²⁹. Действительно, отдельное (не связанное со «стремлением к царской власти») обвинение в организации тайных частных собраний не упоминается в источниках. По точному замечанию Токмакова, отказ народного собрания утвердить приговор (Liv. VI. 20. 5) «вопиет об отсутствии именно сути дела, т.е. состава преступления»³⁰. Исследователь резонно отмечает, что патрицианские кандидаты спокойно прибегали к «угождению народу», хотя последнее было «верным» признаком «стремления к царской власти»³¹. Действительно, децемвир Аппий Клавдий собирал у себя в доме и ночные, и тайные собрания, но ему в вину это никоим образом не вменялось (Liv. III. 36. 1–2)³². При описании реальных восстаний плебса – пле-

²⁶ Токмаков В.Н. Судебный процесс над Манлием Капитолийским // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. 2002. № 2(10). С. 99–106.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Там же. С. 105.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 106.

³² Схожий пример, относящийся уже к 60 г. до н.э.: «Сенат собирался в доме Бибула, так как никто его не созывал, и нельзя было это сделать только одному из консулов» (App. В.С. II. 11; пер. под. ред. С.А. Жебелёва и О.О. Крюгера). Свидетельство Аппиана

бейских сецессий – ни разу не заходит речь об обвинении их вожаков в данном «преступлении»³³. Отсюда мы делаем вывод об отсутствии реальных правовых оснований для преследования частных лиц, организовывавших «домашние» сходки.

Отмеченные эпизоды уже порождают сомнения в трактовке Пина Поло *contiones* как собраний, созываемых только и исключительно магистратами. Также, на наш взгляд, не стоит – признавая высокую степень формализованности официальной сходки – преувеличивать тем не менее это ее свойство. Данный тезис мы мотивируем следующим: 1. Если термин *comitia* всегда использовался в техническом смысле, то термин *contio* – нет (Sen. Dial. 2. 18. 2 (in conuiuiio, id est in contione); Plin. Pan. 8 (aduocata hominum contione deorumque) и т.д.). 2. В отличие от комиций и *concilia plebis* официальная сходка может быть создана во многих местах, не обязательно имеющих сакральное значение³⁴. 3. Даже во времена создания Дигест не было четко зафиксировано, кто (и из «гражданских» должностных лиц, и из военных чинов) может созывать официальную сходку. 4. Из пассажа Геллия (N.A. XIII. 16. 1) следует, что одновременный созыв официальных *contiones* допустим потому, что сходки – это не собрания всего народа, как комиции, а только части его³⁵, поэтому и одновременные «официально-созванные» сходки вполне возможны (кроме случая предкомициальных³⁶, составивших с *comitia* практически единый, в правовом – не обязательно локальном или временном отношении – процесс принятия закона или процесс выборов). 5. Упорядоченное деление (на трибы и т.п.) не являлось необходимым для официальной сходки, поскольку организация, такая, как для комиций, для *contio* просто не была нужна (см. Liv. III. 71. 3; 72. 1–2; IV. 5. 2; XXXI. 7. 1; 8. 1). 6. Возможности контроля аудитории сходки на предмет принадлежности к полноправным гражданам были невелики (если вообще были). Даже для предкомициальной сходки в лучшем случае можно говорить о предложении магистрата (по завершении сходки и переходе к голосованию) удалиться тем, кто не имел права голосовать³⁷.

Таким образом, все эти характеристики официальной *contio* вовсе не дают возможности полагать, что ее функционирование было всегда жестко регламентировано законами, скорее существовали определенные рамки, в которых должно было функционировать такое официальное собрание. Существовали ли такие «законодательные рамки» для несанкционированной сходки?

Они упомянуты в описании Ливием (IV. 13–16) дела Спурия Мелия, когда консулы говорили о праве апелляции, мешавшем воспрепятствовать сходкам в частном доме. Важен также пассаж Ливия, где отмечается, что даже консул

подкрепляет мнение, что такого рода собрания и не могли быть запрещены, ибо были важным политическим инструментом, использовавшимся высшими должностными лицами и сенаторами, средством, позволявшим ослабить противодействие, в данном случае, одного из консулов.

³³ Токмаков. Судебный процесс... С. 106.

³⁴ О местах проведения *contiones* см. Pina Polo. Las contiones... P. 182–198; Ross Taylor. Roman Voting Assemblies... P. 15–28.

³⁵ См., например: Moreau. Donner la parole... P. 183.

³⁶ Mommsen. Römisches Staatsrecht. Bd I. S. 199.

³⁷ Ibid. S. 199–200; Mommsen. История Рима. Т. 2. Кн. 4. С. 107; Карпюк С.Г. Полибий и Тит Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 46; Pina Polo. Las contiones... P. 71, 91.

по обычаям предков (и по закону) не может своей властью разгонять народ, но только предложить разойтись (II. 56. 10–12)³⁸. Да и как можно было бы разогнать (любую) народную сходку? Известно, что власть магистратов основывалась не на силе, а на уважении к ним плебеев (Liv. II. 55. 3)³⁹. А это означает, что и спонтанная сходка не могла быть распущена другим способом, кроме обращения к ней, т.е. фактически – путем ее санкционирования⁴⁰.

Порций Латрон (Declam. in Catil. 19) сообщает: XII tabulis cautum esse cognoscimus, ne quis in urbe coetus nocturnos agitare, deinde lege Gabinia promulgatum, qui contiones ullas clandestinas in urbe conflaverit, more maiorum capitali supplicio multetur. По этому поводу можно отметить следующее: 1. Нет оснований считать, что coetus nocturni запрещались до принятия законов XII Таблиц; 2. Поскольку вторая часть сообщения касается закона времен поздней Республики, то тайные сходки⁴¹ было запрещено организовывать на закате Республики⁴²; 3. Если признать достоверность информации Латрона, то тем не менее следует считать, что несанкционированные сходки запрещались не все, а только ночные (гораздо позднее – возможно, и тайные). Это свидетельствует в пользу того, что остальные такие собрания (хотя магистрату и легче было вмешаться в них) находились в рамках закона, т.е. являлись легальными и в этом отношении – полностью сходными с официальными contiones.

³⁸ Consul Appius negare ius esse tribuno in quemquam nisi in plebeium; non enim populi sed plebis eum magistratum esse; nec illam ipsam submoere pro imperio posse more maiorum, quia ita dicatur: «si uobis uidetur, discedite, Quirites».

³⁹ См., например: *Nippel W.* Public order in ancient Rome. Cambr., 2003. P. 14. Необходимо только отметить, что со временем ситуация менялась. Авл Геллий (N.A. XIII. 13. 4) цитирует Варрона (I в. до н.э.), который в свою очередь выражает удивление по поводу того, что должностные лица (эдилы и квесторы) «ныне... не только не могут быть взяты под стражу, но даже, сверх того, разгоняют народ (submoent populum)» (пер. И.Л. Маяк). Соответственно, ранее низшие магистраты (а они имели такую же potestas contionandi, что и высшие) разгонять народ не могли, в крайнем случае должны были действовать уговорами, т.е. опять-таки, обращаясь к собранию с речью.

⁴⁰ Логично, что плебс боролся именно за формальное санкционирование в 494 г. до н.э. ночных coetus; см. *Mueller H.-F.* Nocturni coetus in 494 BC // *Augusto augurio. Rerum Humanarum et Divinarum Commentationes in Honorem Jerzy Linderski* / Ed. C.F. Konrad. Stuttgart, 2004. P. 84–88.

⁴¹ Contiones clandestinae, следовательно, речь могла идти и о сходках, созданных магистратах, и о сходках, созданных частными лицами: таким образом, возможно, что и официальные собрания, если были «тайными», запрещались. Если вспомнить описание в традиции многочисленных тайных совещаний должностных лиц, то такое запрещение выглядит весьма сомнительным.

⁴² Вильфрид Ниппель, например, вообще сомневается в реальности существования данного закона Габиния, относящегося (вероятно) к 139 г. до н.э. (*Nippel.* Op. cit. P. 27). Его позиция близка мнению Моммзена (*Mommsen.* Römisches Strafrecht... S. 563. Anm. 4). Ср. *Herzog.* Op. cit. S. 1058–1059. Асконий пишет (речь идет о конце Республики): «Frequenter tum etiam coetus factiosorum hominum sine publica auctoritate malo publico fiebant...». Было принято множество законов, запрещавших, однако, не coetus, как можно подумать, а коллегии (кроме некоторых). Возможно, при анализе попыток запретить несанкционированные (sine publica auctoritate, речь идет не о санкции должностных лиц, а о санкции «общественной») сходки-coetus следует обратить внимание на то, как менялось отношение закона к свободе организации коллегий.

Существенное отличие состояло, однако, в том, что несанкционированная сходка, в большей мере отражавшая инициативу «снизу», была далеко не столь удобным политическим инструментом, как официальная. Тот факт⁴³, что Катилина, не обладая *potestas contionandi* (и не имея должностных лиц-союзников), не выступал на сходках и потерпел поражение в «информационной войне», свидетельствует только о том, что возможности «созыва» сходки частным лицом были несоизмеримо меньше⁴⁴. Сторонники Катилины могли, как нам представляется, говорить *in contione*, но долго ли продолжилась бы их речь, и достаточный ли она имела бы резонанс, когда ее произносили те, кто не обладал *potestas contionandi*?

Potestas contionandi (в исследовательской литературе обычно – *ius contionandi*⁴⁵) – это «власть» (право) созыва сходки, которым обладал ряд должностных лиц античного Рима. Но всегда ли это право инициировать сходку относилось только к магистратам? В распоряжении исследователей имеется надпись из колонии Александрия (Августа) Троада⁴⁶, датируемая примерно первой половиной I в. н.э.⁴⁷ *Ius contionandi*, упомянутое только в этом тексте, понимается Пина Поло как по своему содержанию идентичное *potestas*, хотя и предоставляется частному лицу⁴⁸. Уникальность этой надписи⁴⁹ в том, что в данном случае понадобилось отметить это право специально (возможно, чтобы подчеркнуть приоритет, данный гражданами этому частному лицу в созыве сходки)⁵⁰. Несомненно одно: практическая значимость этого права все же была достаточно заметной, чтобы позволить Юниану упомянуть и о нем⁵¹. Известно, что в эпоху Республики за-

⁴³ Он отмечен Пина Поло (*Contra arma verbis...* S. 44–46).

⁴⁴ Многие запреты для Катилины, по свидетельству, например, Квинта Цицерона (*Comm. pet.* 9–10), были пустым звуком. Поэтому Катилине нормы и законы, которые он легко мог нарушить, помешать не могли (таких норм, по всей видимости, и не было). Следовательно, речь идет не о нелегальности спонтанных собраний, а об их неэффективности в данном случае.

⁴⁵ Например: *Liebenam.* Op. cit. S. 1150; *Humbert.* Op. cit. P. 1485; *Herzog.* Op. cit. S. 634–636; *Mouritsen.* Op. cit. P. 38. См. также *Thommen L.* Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart, 1989. S. 171–179.

⁴⁶ CIL III. 392 = 12246 = ILS 7192: Gen(io) Populi | C(aius) Iulius C(ai) f(ilius) Ani(ensi) Iunianus | [I]Ivir iter(um) IIvir quinq(ennalis) aed(ilis) | [] sacerdotali(bus) et IIviralib(us) | [orna]ment(is) et iure contionan[di | et stat]uis pedestrib(us) et equestr[ib(us) | st]atuis item a civitate Iliensi[um clupeis? | e]t statuis inaurat(is) honor[atus] consecrav[it]. Цит. по ст.: *Pina Polo F.* *Ius contionandi y contiones en las colonias romanas de Asia Menor: acerca de CIL III 392 // Gerión.* 1989. № 7. P. 97; <http://www.manfredclauss.de> (Epigraphik-Datenbank Clauss/Slaby EDCS).

⁴⁷ *Pina Polo.* *Ius contionandi...* P. 98.

⁴⁸ См. аргументацию: *idem.* *Ius contionandi...* P. 98–100.

⁴⁹ Вызывает сомнение предположение Пина Поло о том, что *ius contionandi* было предоставлено Юниану для того, чтобы он мог осуществлять патронат над колонией или представлять «центральное правительство» в ней (*Ius contionandi...* P. 102). *Ius contionandi* перечисляется в ряду почестей, полученных, видимо, от самих членов колонии (a civitate). Это не вполне соответствует интерпретации испанского исследователя, согласно которой именно «центральное правительство» наделяло этим правом и именно с целью обеспечения своего представителя возможностями беспрепятственно выступать на сходках.

⁵⁰ Cp. *Mommsen.* *Römisches Straatsrecht.* Bd I. S. 201. Anm. 3.

⁵¹ Cp. *Pina Polo.* *Ius contionandi...* P. 99.

частую обладание, например *auctoritas* (а не *potestas*), во многом определяло то, будет ли аудитория *contio* со вниманием слушать оратора⁵². Данная же надпись, уже эпохи Империи, отражает, возможно, юридическую фиксацию сложившихся взаимоотношений: частному лицу не было предоставлено никаких полномочий, кроме права созыва сходки, аналогичного праву магистрата.

Зададимся вопросом: только ли правовые нормы могут свидетельствовать о признанном общественном значении несанкционированной *contio*? Здесь можно указать на целый ряд фактов иного, не юридического, характера:

1. Согласно Дионисию, Тарквиний Гордый, многие действия которого трактуются в традиции как противозаконные, запретил созывать не только сходки сельчан, членов курии или соседей для религиозных мероприятий, но и любые сборы большого числа людей, чтобы избежать заговоров (IV. 43). Если бы это запрещение не связывалось с Тарквинием и не упоминалось в ряду других его действий, направленных на установление тирании, то означало бы законодательное запрещение всех несанкционированных сходок. Однако в данном контексте это свидетельство в пользу как раз обратного.

2. Лица, обладавшие властными полномочиями, не только не преследовали, но даже в определенном смысле ценили подобные собрания; на спонтанных *contiones* можно было ясно увидеть отношение народа к тем или иным событиям, например к военным действиям (Liv. II. 39. 9–12⁵³) или долговому вопросу (Dionys. V. 64–65⁵⁴). И только если реакция народа угрожала необ-

⁵² Показательный пример: *Cic. Brut.* 56. Цицерон отмечал те качества (не *potestas*), которых ему долго не хватало, чтобы выступить на официальной сходке (Pomp. 1–2; ср. Verr. IV. 173). Согласно К. Хачеру (см. Дементьева В.В. «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике» // *Tabularium*. Т. II. М., 2004. С. 112), хотя *auctoritas de iure* не имела обязательной силы, однако она была формой институционализированной власти, характеризующейся лишь правом рекомендации, но не правом приказа. Скорее именно *auctoritas* следует принять как основание для председательства на сходке (поскольку на сходке не принималось решение, а лишь давалась рекомендация), чем *potestas contionandi*.

⁵³ «Когда они [консулы] делали смотр легионам... большая толпа народа, требуя мира, даже напугала их мятежными выкриками, а потом принудила созвать сенат и внести предложение отправить к Марцию послов. Видя, что простой народ пал духом, сенаторы согласились» (пер. Н.А. Поздняковой). Здесь может возникнуть вопрос даже не о законности описанного действия, а о характере организации. Это, несомненно, сходка, поскольку: 1) хотя употреблено «толпа» (*multitudo*), но синонимы *multitudo* могут обозначать несанкционированную сходку (Liv. II. 23: *turba esset prope in contionis modum*); 2) толпа требует внести одно и то же предложение, толпа появилась моментально, толпа была агрессивная и целеустремленная, не расходилась от внезапной перемены настроения – все это указывает на наличие лидеров, которые могли сформировать у толпы единую позицию (ср.: Liv. II. 27. 10–13; Tac. Hist. IV. 37. 1: *vulgus sine rectore praeseps avidum socors*; редкий случай свидетельствует об уникальной самоорганизованности толпы: Tac. Ann. I. 32. 3; см. по этому поводу: Махлаюк. Солдаты... С. 237–238).

⁵⁴ В этом эпизоде Марк Валерий Попликола советовал уступить в долговом вопросе, ссылаясь на те речи, что вели бедняки, сходясь на форум. Это служило веским аргументом в спорах в сенате. Заметим также, что именно «общественный интерес», консенсус, а вовсе не угрожавший государству мятеж, был результатом этих сходок плебса. Дионисий вкладывает в уста Попликолы предупреждение: «пока это еще слова и угрозы, не перешедшие в злобные действия плебса» (Dionys. V. 64. 3; пер. Л.Л. Кофанова). Сложно считать такой эффект результатом «мятежных действий» или

ходимому в сложной ситуации порядку, следовали попытки ограничить эту реакцию (Liv. XXII. 55–56), либо же удовлетворялись желания собравшихся (Liv. XXII. 7. 6–8).

3. Дионисием описывается сходка в частном доме (IV. 70–76), на которой обсуждались возможности свергнуть царя Тарквиния. В интерпретации античного автора, у собравшихся возникли вопросы по поводу законности созыва ими комиций (ἐκκλησία), но не по поводу законности их собственной сходки в частном доме. Частные собрания, о которых мы уже упоминали в связи с делами Мелия и Манлия, играли важную роль непосредственно в политической жизни, являлись средством политической борьбы, давая возможность провести предварительные совещания, причем не только плебейским трибунам (Liv. IV. 25. 9–13; Cic. De leg. agr. II. 12), но и «аристократам», собранным консулами (Dionys. XI. 55–56). Хотя Ливий (II. 27. 13), помимо прилагательного «тайная» (occultus), использует для характеристики частной contio рядовых плебеев эпитет «опасная» (perniciosus), к частной сходке прибегают и сенаторы (Dionys. XI. 55–56; 60–61; Liv. II. 54. 7; IV. 6. 6). Частная contio была реальным инструментом именно для членов Курии уйти от «формальных проволочек, связанных с функционированием сената»⁵⁵. Частные сходки, с одной стороны, не проходили публично⁵⁶, с другой – нередко возглавлялись должностными лицами. Возможно поэтому Л. Ланге, хотя и считал domesticae contiones «услужливым инструментом демагогов», все же полагал сообщения о таких собраниях не риторическим преувеличением и не указанием на незаконные собрания, а свидетельством логического результата развития сходок в период их упадка в Позднюю республику⁵⁷.

4. Античная традиция рисует несанкционированные contiones, особенно на раннем этапе, когда еще не были созданы плебейский трибунал и эдилитет (до 494 г. до н.э.) главным, практически единственным, средством борьбы плебеев (не имевших доступа к potestas contionandi) за изменение публично-правового устройства. Именно на этих собраниях звучали клятвы плебеев «саботировать» наборы в армию, т.е. проявлялась борьба реальная и весьма острая (Dionys. VI. 34). Четко видно некое общее намерение, план действий, что невозможно без определенной организации. Но если дальше речь шла о толпах, силой отбивавших новобранцев у ликторов – это уже не сходки (хотя, возможно, и их следствие), ибо на сходках только обсуждали, что делать. Нельзя смешивать легальные (хотя и несанкционированные) сходки и нелегальные действия толпы, последовавшие за ними.

5. Отдаленные последствия несанкционированных и частных сходок были весьма серьезными; помимо результатов сецессии, можно указать, например, на введение диктатуры (Liv. II. 28–30).

простых «массовых акций» хотя бы потому, что последние, как правило, заканчиваются кровопролитием и публичные речи во время них служат лишь сигналом к насилию, а не средством обратить внимание элиты на проблемы «бедняков» законными путями (ср. с рассуждениями А.В. Махлаюка о значении солдатских мятежей: Солдаты... С. 228–247).

⁵⁵ *Μορο*. Sublata priore lege... С. 165. Правда, исследователь называет такие собрания просто «совещаниями», никак их со сходками не связывая.

⁵⁶ Однако далеко не всегда частный дом в Риме может рассматриваться в современном смысле частным пространством. См. также *Dionys*. X. 9.

⁵⁷ См. *Lange*. Op. cit. Bd II. S. 608–609.

6. На несанкционированных *contiones* особенно громко и интенсивно звучали чаяния плебеев, их конкретные требования, иногда выполнявшиеся (Liv. II. 39. 9–12; см. также II. 55⁵⁸). Патриции не могли полностью игнорировать это (иногда и их голоса звучали на форуме и «на всех углах»: Liv. VII. 6. 10–12). Во время кризисных ситуаций периода ранней Республики инициатива «снизу» (имеется в виду – в обход трибунов и посредством несанкционированной *contio*) проявлялась достаточно явно (Dionys. VIII. 87)⁵⁹.

7. Показательны слова Ливия, данные им от лица Луция Валерия, выступавшего на стороне матрон, стремившихся к отмене Оппиева закона (215 г. до н.э.): «К тому же консул... даже усомнился в том, что ради дела, столь ему противного, матроны собрались по собственному почину (*sua sponte*), а не по моему наущению» (Liv. XXXIV. 5. 3; пер. Г.С. Кнабе). Факт собрания матрон «по собственному почину» (причем именно по поводу закона, т.е. по «политическим мотивам») не вызвал обвинений в «незаконности» со стороны консула Катона. Для Катона, в передаче Ливия, собрания *sua sponte* отнюдь не являлись нелегальными. Предметом споров Луция Валерия и Катона было что угодно, но только не правомерность сходов «*sua sponte*» – выражение, которое и можно перевести как «несанкционированные» или «спонтанные». Консул критикует само предложение отменить указанный закон, он критикует то, за что женщины активно агитируют, но он не выступает против самого метода агитации, действенного, как можно заключить, учитывая, что Оппиев закон все-таки был отменен (Liv. XXXIV. 8. 1–3)⁶⁰.

Итак, источники дают основания не согласиться с Моммзенем в том, что в законном порядке граждане не могли собираться иначе, чем по приказанию магистрата⁶¹. Собраться народ мог и сам (самовольно), но его сходка, чтобы стать легитимной, должна была быть организованной, т.е. подчиниться руководству председателя, признанного, в первую очередь, самим собранием. Если для официальной сходки председатель – это должностное лицо, обладавшее *potestas*, то для сходки несанкционированной – это вовсе не обязательно должностное лицо (хотя это мог быть и магистрат), но лицо, обладавшее *auctoritas*, признававшееся аудиторией⁶².

Таким образом, фактор лидерства, столь характерный для римской политической теории и практики, и здесь является существенным⁶³. Не подлежит

⁵⁸ В этом эпизоде нужно отличать организованные сходки плебеев и последовавшие события, связанные с Волероном, когда речь действительно шла уже не о сходках, а о «массовых акциях».

⁵⁹ Данная сходка хотя и была вскоре возглавлена трибунами, вначале возникла спонтанно, и речи (*λόγοι*; не просто крики) произносили рядовые плебеи.

⁶⁰ Ср. со способом действий матрон (совещания «в узком кругу») в другом эпизоде: Dionys. VIII. 39–55. Здесь инициатива также не осуждается, напротив, легенда говорит о полезности такой инициативы.

⁶¹ Mommsen. *Römisches Staatsrecht*. Bd I. S. 191.

⁶² О том, что в Риме вообще было возможно публично выступать, не обладая при этом даже устойчивой *auctoritas*, не говоря о *potestas*, см., в частности: Кнабе Г.С. Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // ВДИ. 1994. № 3. С. 58–77.

⁶³ Ливий описывает, как плебеи собрались (сами), ожидая трибуна, но так и не дождалась его, и как их «войско рассеивается, потеряв вожда» (II. 54. 9). Плебеи собрались

сомнению, что очень многое зависело – не только для частного лица, но и для председателя-магистрата – от благоволения аудитории. Например, народ мог и на официальной сходке потребовать от председателя вызвать кого-либо на трибуну (App. XIV. 131).

Р. Морстейн-Маркс, автор недавнего крупного исследования *contiones*, показал, что конции служили каналом движения информации между облеченными властью и аудиторией в обоих направлениях⁶⁴. Источники не только дают нам имена конкретных лидеров, но и предоставляют общие обозначения той группы людей, которая могла претендовать на роль организаторов несанкционированных собраний: например, *subrostrani*⁶⁵ (делившиеся информацией, полученной из «первых рук»), а также влиятельные люди местного масштаба – *principes*⁶⁶. Посредниками могли быть и члены *collegia*. Квинт Цицерон понимал коллегии (а также «округа» и «соседства») как важный элемент именно политического успеха (64 г. до н.э.; Comm. pet. 3, 30–32). К потенциальным организаторам несанкционированных сходов можно отнести и *duces*⁶⁷ (Cic. Dom. 12, 89; Sallust. Cat. 50. 1; Comm. pet. 5; Asc. 59–60), которые могли осуществлять роль посредника в передаче информации, а не только помогать в созыве и проведении официальной сходки.

Пина Поло стремится абстрагироваться от «всего спонтанного», что иногда наблюдалось на сходках, не считая спонтанность нормой⁶⁸. Мы ни в коем случае не утверждаем, что значимость выступления на каждой отдельной несанкционированной сходке была сравнима со значимостью речи на сходке официальной. Мы не отрицаем и того, что несанкционированная *contio* в абсолютном большинстве случаев возникала именно в кризисной ситуации. Но римская община часто укреплялась при чрезвычайных обстоятельствах использованием дополнительных стабилизирующих политических институтов.

самовольно, переговаривались между собой свободно, но именно отсутствие лидера сделало бессмысленным это начинавшееся спонтанное собрание. Хотя здесь на роль лидера претендовал плебейский трибун, имевший *potestas contionandi* (явись он на собрание, сходку вполне можно было бы определить уже как официальную), до его прихода начиналась именно сходка спонтанная. Возглавить ее мог и не трибун, важно было лишь то, чтобы ее возглавили. Трибун это или вовсе не должностное лицо – для Ливия неважно.

⁶⁴ Morstein-Marx. Op. cit. P. 127. С ним не соглашается Пина Поло (*Pina Polo F. Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004 // <http://www.sehepunkte.de/2005/01/6162.html>*); см. также Flaig. L'assemblée du peuple... P. 20.

⁶⁵ Завсегдатаи сходов. См. о них Pina Polo. Contra arma verbis... S. 94–113.

⁶⁶ См. о них Laser. Op. cit. S. 129. Г.С. Кнабе (Ук. соч. С. 60) полагал (имея в виду, правда, судебный патронат), что «представлять интересы римского гражданина в качестве членов его микрогруппы могли не только лица, зависимые от него (колон, клиент или отпущенник), но и, например, его сосед... В общих работах последнего времени микрогрупповая структура также воспринимается (по крайней мере для II–I вв.) скорее как черта римского общества в целом, а не только как характеристика родовой организации аристократии».

⁶⁷ Здесь: вожди, вожаки толпы, «главенствующие на народных сходках». По выражению Г. Моритсена, «лидеры среднего звена» (Op. cit. P. 57–58). См. также Yakobson. Op. cit. P. 90.

⁶⁸ Pina Polo. Las contiones... P. 41; *idem*. Contra arma verbis... S. 14–15, 91; *idem*. I rostra come espressione... P. 141.

Концепция Пина Поло дает четкую схему того, каким образом *contio* была включена в римскую конституцию. Это не означает невозможность дополнять, расширять границы этой схемы (вовсе не отказываться от нее). Отмеченные пассажи источников свидетельствуют, во-первых, о том, что наличие или отсутствие магистрата в качестве председателя, несомненно, меняло характер и результаты сходки. Однако характер этот менялся как угодно, но общая направленность оставалась «политической», официального решения как результата собрания не наблюдается, а главным содержанием *contio* оставалась речь к народу⁶⁹. Во-вторых, надежной информации о несанкционированных сходках мало⁷⁰, но, тем не менее, игнорировать имеющиеся сведения (в совокупности позволяющие уточнить картину), не следует. В-третьих, несанкционированная сходка далеко не всегда обозначается в источниках основным термином – *contio*, но такая ситуация характерна и для официальных конций (что с успехом доказывает испанский исследователь в своих работах; особенно это касается «судебных» сходок), а потому данное обстоятельство само по себе не может служить основанием рассматривать только те собрания, которые обозначены термином «*contio*».

На этом моменте необходимо остановиться специально. Испанский антиковед довольно много внимания уделяет анализу дериватов и аналогов слова *contio*, допуская тем самым саму возможность использования античными авторами не только собственно слова *contio* как основного *terminus technicus* для указания на институт народной сходки. В связи с этим исследователь, соображаясь с некими ориентирами, принимает решение, какие слова принять как указание на сходку «в ее институциональном смысле», а какие – нет. Но почему, например, выражение *a(pu)d populum* можно считать аналогом *contio*, а *coetus* – нет⁷¹? Ведь, к примеру, Тацит (*Ann.* I. 43) называет сходки мятежных легионов *contiones*, а буквально несколькими строками ранее (*I.* 42) обозначает их же как *coetus*. Но Пина Поло не относит сходки плебеев к официальным *contiones*, именно потому, что употреблялся термин *coetus*, а не *contio* (*coetus plebis in privata domo*; *Liv.* IV. 13. 10). Хотя сам приводит пример употребления по отношению к этой же сходке плебеев в частном доме именно термина *contio* (*contiones domi*; *Liv.* IV. 13. 8, события 494 г. до н.э.). Исследователь объясняет этот не вполне соответствующий его концепции эпизод тем, что в этом случае термин *contio* употреблен вместо *coetus*. Пина Поло полагает, что если к этому собранию магистрат не имел отношения, то и термин *contio* употреблен, видимо, «случайно»⁷². Он вообще не считает *coetus* аналогом *contio*,

⁶⁹ Пина Поло верно определял сущностную функцию института в целом – обращение (кого бы то ни было) к народу (*idem.* *Las contiones...* P. 7, 28).

⁷⁰ Может быть, потому, что античные авторы, как считает Г. Лазер, имели целью лишь раз предостеречь от попыток использовать поддержку «массы», «занимая» сознательно ее роль. (*Op. cit.* S. 191; см. также *Gruen E.S. Diaspora: Jews amidst Greeks and Romans.* Cambr., 2002. P. 20, 22). Сложно проследить роль спонтанных действий массы (или отдельных ее представителей), организующейся в законную сходку самостоятельно, не столько из-за тенденциозности источников, сколько из-за практики перерастания, трансформации несанкционированной *contio* в официальную вследствие вполне понятного стремления руководящей элиты к контролю над инициативой толпы (ср. *Laser.* *Op. cit.* S. 181, 185, 236).

⁷¹ *Pina Polo.* *Las contiones...* P. 4–40.

⁷² *Ibid.* P. 6.

несмотря на признание им того обстоятельства, что источники иногда дают их как синонимы. На его взгляд, *contio*, в отличие от *coetus*, имеет «институциональную организацию», а не является просто собранием «отдельных лиц» («*individuos*»)⁷³. Если под «институциональной организацией» понимать распределение народа по трибам, центуриям и т.п., то, как мы отмечали, даже официальная сходка не имела эту организацию всегда⁷⁴. Почему тогда нельзя отнести *coetus* к институту сходки? Очевидно, что проблема отнесения к ним связана с частым отсутствием магистратов на таких сходках⁷⁵. В отличие от сходки официальной⁷⁶, масштабы несанкционированной действительно давали возможность обойтись без формальной трибуны, поднимаясь на которую (возвышаясь тем самым над согражданами⁷⁷), оратор должен был обладать *potestas contionandi* или же разрешением ее носителя (но даже в этом отмечено исключение: *Dionys. VI. 26*).

Попытки Пина Поло в подтверждение своих слов опереться на Цицерона (*De or. III. 65*)⁷⁸ выглядят неубедительно⁷⁹. Оратор использует слово *coetus* для обозначения собраний, созываемых тайно и под покровом ночи, но плебейскими трибунами (*Cic. Leg. agr. II. 12*), т.е. носителями *potestas contionandi*, которые могли созвать вполне официальную сходку. Конечно же, *coetus* часто отличалось в понимании того же Цицерона от официальной *contio*, но далеко не всегда⁸⁰. Предположение же о том, что *coetus* чаще обозначает именно несанкционированную сходку⁸¹, а *contio* – официальную, может не только объяснить кажущееся

⁷³ *Ibid.* P. 6–7. И.Л. Маяк полагает, что «...было время когда... *contiones* являлись собранием не всего народа, а его частей» (Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 79). На наш взгляд, именно такое положение сохранялось на ранних этапах истории Республики.

⁷⁴ Сам Пина Поло утверждает это (*Las contiones...* P. 122).

⁷⁵ Ср. *Lange. Op. cit. Bd II. S. 392–395*.

⁷⁶ *Laser. Op. cit. S. 225, 241*.

⁷⁷ См. об этом *Кнабе. Ук. соч. С. 63–65*.

⁷⁸ *Valde autem est absurdum ei contionem aut senatum aut ullum coetum hominum committere, cui nemo illorum, qui adsint, sanus, nemo civis, nemo liber esse videatur. Якобы coetus здесь противопоставляется contio (см. Pina Polo. Las contiones... P. 7).*

⁷⁹ Мы можем воспринимать указанное сообщение двояко: либо как указание на принципиальное отличие *contio*, *senatus*, *coetus* друг от друга, либо как указание на их схожесть в том, что в этих местах произносятся публичные речи, поэтому только достойные люди могут здесь выступать. Какой вариант предпочесть? Цицерон в другом месте этого же трактата (*De or. I. 35*) точно так же выделяет форум, сходки, суды и сенат. Однако Пина Поло речи перед народом на форуме относит исключительно к официальным сходкам, но тогда форум не должен был упоминаться Цицероном наряду со сходками. Таким образом, необходимо признать и в первом случае (*De or. III. 65*) более вероятным не противопоставление, а уподобление Цицероном упоминаемых им институтов друг другу по признаку предъявлявшихся на этих собраниях высоких требований к оратору (см. также, например: *Cic. De or. I. 201; Quint. inst. orat. XII. 11. 1*).

⁸⁰ *Cic. Phil. II. 63; ср.: Asc. Mil. 45C*. См. интересный эпизод, где *coetus* приобретает даже «оттенки» сакрального института – *Cic. Verr. V. 186*, а также пассаж, где *coetus* употребляется в техническом значении *prima accusatio* (Пина Поло связывает *accusatio* именно с *contio* – *Las contiones...* P. 104–114): [*Cic.*] *Rhet. ad. Herenn. IV. 48*. Ср. с использованием *coetus* в техническом значении, характерном и для *contio*, в период Империи: *Apul. Apol. 52; Met. III. 2. 2; VI. 31; XI. 17*.

⁸¹ Ср. *Rotondi. Op. cit. P. 21*.

противоречие сведений источников, но и избежать некоторых, на грани курьеза, исследовательских трактовок. Так, Х.-Ф. Мюллер уверен, что в пассаже Ливия (II. 28) *contiones* употреблено вместо *coetus* с целью выразить определенный сарказм путем обозначения несанкционированных сборищ «легитимизированными терминами»⁸². А в статье П. О'Нейла, посвященной *circuli*, говорится, что в этом эпизоде ради сарказма Ливий употребил *contio* вместо, соответственно, *circuli* (статья посвящена им, а не *coetus*)⁸³. Это при том, что оба автора повсюду в своих работах стремятся убедить в принципиальной разнице не только между *contio*, с одной стороны, и, соответственно, *coetus* и *circuli*, – с другой, но и между последними⁸⁴.

Таким образом, попытки Пина Поло (и некоторых других исследователей) противопоставить *contio* (как «законное собрание» – *la asamblea legal*) и *coetus* (определяемый испанским исследователем как «небольшое, т.е. ограниченное, собрание» (*reunión reducida*))⁸⁵ не выглядят обоснованными. Контраргументом, например, служит то, что сам Цицерон вовсе не обвиняет даже и Катилину в факте участия в тайной *coetus*, но в том, что «нечестивец» помышлял вместе с другими на этом собрании об «уничтожении» Республики (Cic. Cat. I. 8–10; ср.: Sull. 16; см. также Oros. V. 17. 6; Flor. II. 4. 5).

Тем не менее тенденция источников существует – это прежде всего отношение античных историков к несанкционированным сходкам. Это отношение и приводит, на наш взгляд, в частности, к тому, что такая сходка часто получает специфические обозначения: помимо *coetus*, также *contio domestica*, *contiones privatae*, *in contionis modum*, *contionabundus* и т.д.⁸⁶ То, что это есть выраженная

⁸² Mueller. Op. cit. P. 82–83.

⁸³ O'Neill P. Going Round in Circles: Popular Speech in Ancient Rome // Classical Antiquity. 2003. №1. P. 141 (см. также *idem*. A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome. PhD Diss. University of Southern California, 2001. P. 101–102). Автор противопоставляет *circuli* конциям, в то же время удивляясь, почему, например, Квинтилиан (VI. 3. 105) упоминает *circuli* как одно из мест произнесения образованным человеком (*urbanus homo*; даже не должностным лицом) речей наряду с *convivia* и *contiones* (O'Neill. Going Round... P. 145–147; *idem*. A Culture of Sociability... P. 111–112). Этот момент требует специального изучения, но нам представляется, что *circuli* также, вероятно, можно в ряде случаев отнести к спонтанным сходкам, судя по тому, насколько схожей получается наша характеристика последних и описание П. О'Нейлом *circuli*. Мы склонны, в отличие от О'Нейла, не считать употребление самого термина *contio* признаком исключительно официального собрания хотя бы потому, что источники недвусмысленно связывают *contio* с *circuli*, *coetus* и даже *convivia*. Определение одного через другое, подчеркивание общего у этих явлений и т.п. можно нередко найти у античных историков. О'Нейл, противореча своим же тезисам о том, что сходка всегда официальное собрание, все-таки упоминает наряду с официальными еще и неофициальные *contiones* (A Culture of Sociability... P. 270–272, 274–275).

⁸⁴ Если О'Нейл интерпретировал эпизод совершенно иначе, чем Мюллер, но исходя из тех же посылок, то возникает вопрос: верны ли посылки, т.е. верно ли предположение о «сарказме» Ливия?

⁸⁵ Pina Polo. Las contiones... P. 6; Contra arma... S. 45.

⁸⁶ Особенно интересно употребление слова *contionabundus*. Пина Поло полагает, что этот термин не указывает на официальные сходки, поскольку отсутствовала «законно созванная» (*legalmente convocada*) *contio*, хотя тут же замечает, что везде ораторы выступают так, будто (*si*) они находятся на сходке, торжественно (*con tono de arenga*), хотя самого собрания «не было» (Pina Polo. Las contiones... P. 15–16). Нельзя согласиться и с тем, что *contionabundus* всегда указывает на отсутствие организованного собрания.

тенденция, подтверждает и эпизод, где Ливий описывает организацию консулом Титом Квинкцием съезда городов Греции (XXXIV. 48). Хотя речь идет об инициативе магистрата, использовано выражение *in contionis modum*. Собрание лишь уподобляется *contio* как таковой, но не потому, что эта сходка не имеет «институциональной организации» (ведь ее возглавляет магистрат), а потому, что аудиторию составляют не римские граждане, а греки. Отсюда следует, что употребление *in contionis modum* вместо *contio* обозначает что угодно, но только не собрание без организации или нелегальное⁸⁷.

Таким образом, филологический (терминологический) подход, хотя и играет немаловажную роль, не дает однозначного толкования «рамки явления». Между тем любой исследователь *contio* сталкивается с трудностью очерчивания именно этих «рамки». Три условных «границы» у нас есть – это отсутствие официального решения, произнесение речей, обязательно политический характер собрания (если мы ведем речь о политическом институте). Эти «границы» необходимы, но недостаточны, поскольку им могут, в определенном смысле, удовлетворять любые «массовые акции». Критерий присутствия председателя, имеющего статус магистрата или плебейского трибуна, критерий, которому следует Пина Поло, не удовлетворяет ряду сообщений источников о политических собраниях, не принимавших официальных решений, но сыгравших огромную роль в процессе формирования самой публично-правовой системы Республики. Критерий «обеспечения общественного интереса» (в противовес личным интересам участников беспорядков) не может быть использован на практике, поскольку слишком расплывчат, хотя само представление об «общественном благе» в римской традиции существовало⁸⁸. Но как «юридическим путем» (т.е. формализовано, более объективно) оценить соответствие того или иного собрания «публичному интересу»? Очевидно, что в полном смысле государственно-политическим институтом спонтанную сходку назвать, по-видимому, действительно нельзя, но мы полагаем, что ее можно определить как *общественно-политический институт*.

Вполне официальной была та сходка, на которой выступает, хотя и не с трибуны, а просто *in praetorio*, консул, произнося (*contionabundus*), в передаче Ливия, довольно пространную речь (*Liv.* XXI. 53; ср. XL. 27. 8). С другой стороны, именно несанкционированной, но не менее (возможно, и более) организованной была сходка, инициированная в военном лагере рядовым воином Перценнием (случай уже эпохи Империи, см. *Tac. Ann.* I. 17, 22), выступавшем *velut contionabundus*. При этом у Тацита нет ни слова о том, что сам факт созыва таких сходок – мятеж, но именно действия, последовавшие за собраниями, являлись незаконными, не сами сходки. Вооруженные воины, как когда-то плебеи – основа римской армии, – имели шанс добиться легализации своих институтов и вождей. См. также: *SHA. Marc. Anton.* 13. Ср. с эпизодом из истории Республики: *Dionys.* VIII. 78.

⁸⁷ Наконец, нельзя трактовать это выражение с уверенностью как «что-то похожее на сходку, но не сходка». Обратим внимание на пассаж из «Истории» Тацита (I. 55) (речь идет о легатах и трибунах) «Однако никто не решался собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны...» (*non tamen quisquam in modum contionis aut suggestu locutus*; пер. Г.С. Кнабе).

⁸⁸ *Populus... coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communione sociatus* (*Cic. De Rep.* I. 39). Ср.: *Cic. De rep.* III. 43: *societas coetus*, quod est *populus*; VI. 13: *concilia coetusque hominum iure sociati*, quae civitates appellantur (курсив наш. – В.Д., Р.М.). См. также *Aug. De civ. Dei.* II. 21; XIX. 21, 23–24. Подчеркнем, что слово *coetus* часто использовалось как обозначение несанкционированной сходки.

Общественно-политический институт дефинируется рядом черт. Он должен: 1) быть легитимным. При этом такой институт может быть органом не только официальным, но и неформальным; 2) эффективно выполнять определенную значимую функцию в политической жизни; 3) иметь определенную структуру, организацию; 4) быть общественным институтом, обладать определенным статусом в политической системе, имея устойчивую традицию функционирования, не противоречащую существующим законам; 5) иметь возможность развиваться как явление общественной жизни и политической практики.

Спонтанная сходка отвечала этим характеристикам:

1. Она была легитимной, основывалась на традициях и обычаях, и легальной, т.е. не противоречила законам⁸⁹. При этом она была институтом неформальным: функционирование спонтанной сходки прямо не регулировалось законами и осуществлялось не по инициативе носителей политической власти.

2. Благодаря неофициальной сходке часто более успешно, чем благодаря официальной, осуществлялась политическая коммуникация, достижение общественного консенсуса.

3. Можно говорить об участии и конкретных лидеров, и целых групп влиятельных людей, организовывавших сходку; в зависимости от ситуации возникали разные по масштабу спонтанные сходки.

4. Существовали законы, ограничивавшие, например, время проведения спонтанного собрания.

5. Несанкционированную сходку можно рассматривать как политический инструмент, использовавшийся, в том числе, и должностными лицами.

Весьма важно соответствие несанкционированной сходки критерию легальности. В случае, когда закон не запрещает (но и специально не разрешает) собрание, вступает в силу критерий признания законности сходки «общественным мнением», в первую очередь, самими участниками собрания⁹⁰. Дело в том, что легитимность несанкционированных сходок исходя из традиций («традицион-

⁸⁹ Мы опираемся на концепцию легитимности М. Вебера (*Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. Aufl. Tübingen, 1980. S. 19–20).

⁹⁰ Легитимность в узком смысле есть результат одобрения народом. Именно (и только) учитывая этот момент, возможно использовать термин «несанкционированная должностным лицом сходка», т.е. не та, которая запрещена законом (нелегальная), но та, которая им не запрещена, но это не означает, что не разрешена, народом она может восприниматься как вполне легитимная. Согласимся, что одно только отсутствие немедленных «репрессий» еще не говорит о законности собрания. Но отсутствие «репрессий» вообще как таковых – уже наводит на мысль об отсутствии законодательной нормы, запрещавшей такие сходки. Если мы не видим применения закона (и указаний на его существование), то как мы должны оценивать, легальная сходка или нет? Именно здесь и приходится прибегать к изучению реакции на сходку ее собственной аудитории и реакции остальной части гражданства. Если сенат, например, негодует по поводу таких собраний, но ничего не может сделать, то не говорит ли это о том, что большинство граждан не проголосовало бы (если бы магистраты по совету сената им предложили) за осуждение той или иной спонтанной сходки, ее участников, организаторов? Ср. с делом об участниках культа Вакха, 186 г. до н.э. Подробно описанный Ливием (XXXIX. 8–19, особ. 14–15), эпизод дает пример публичного осуждения (не поддержки, как в случае с сецессией) конкретных несанкционированных ночных собраний (*coetus*) последователей культа Вакха. В данном эпизоде речь идет даже не о политических собраниях, а об уголовных преступлениях, совершаемых на религиозных собраниях, которые к сходкам отнести сложно.

ную легитимность») довольно сложно рассматривать из-за тенденции наших источников. В том, что это именно тенденция, сомневаться не приходится, судя по отмеченному эпизоду со Спурием Мелием в изложении Дионисия (XII. 1–4). О том, что закон не запрещал созывать сходку частным лицам, свидетельствует потребность в специальном запрещении консулами именно Мелию созывать сходки (Dionys. XII. 1. 10; этому запрещению, к тому же, успешно воспрепятствовал народ). Ввиду сложностей, возникающих при оценке наличия или отсутствия у несанкционированной сходки традиционной легитимности, нам приходится в основном обращаться к вопросу о легальной легитимности и о легитимности, возникавшей в результате признания народом.

Однако могут оставаться определенные возражения в связи с имеющимися античными определениями народной сходки. Действительно, дефиниция Феста (Р. 38, s.v. *contio*⁹¹) недвусмысленно говорит о том, что сходка созывалась магистратами или жрецами. Но жрецы – частные лица. Определение Геллия не содержит упоминания о возможности созыва сходки только магистратами (N.A. XIII. 16. 3)⁹²; в другом же месте «Аттических ночей» сходка вообще определяется как *coetus populi adsistentis* (N.A. XVIII. 7. 5–9). Варрон, когда пишет о том, кто мог созывать сходку, явно имеет в виду сходку предкомициальную (упоминаются ауспиции и т.д.), потому, разумеется, «доступную» только магистратам (L.L. VI. 90–94). Наконец, определение Феста вступает в прямое противоречие с теми конкретными примерами, приводимыми античной традицией, которые мы рассматривали выше. К тому же, когда Пина Поло, например, определяет *coetus* как любое собрание граждан, а *contio* – как «институциональный субъект (права)» (*entidad institucional*)⁹³, он тем самым ставит под сомнение другое определение, данное Мессаллой (Gell. N.A. XVIII. 7. 8; где *contio* – *coetus populi adsistentis*). Прямые дефиниции в источниках, таким образом, нельзя все принять безоговорочно, поскольку они могут противоречить друг другу. Значит, необходимо либо путем иной интерпретации разных определений снять это противоречие, либо, путем анализа данных других источников предпочесть только одно из них, либо, наконец, отказаться от точного следования любому из них. Пина Поло фактически следует, в основном, именно определению Феста. Конечно, мы должны задаваться вопросом о том, почему для Феста было важно отметить «монополию» магистратов и жрецов в созыве сходки, но при этом нужно анализировать и другую информацию источников. Гораздо плодотворнее, на наш взгляд, учитывать тенденцию источников, но не соглашаться с ней во всем⁹⁴.

Можно ли утверждать, что только концепция Пина Поло, его взгляд на вопросы терминологии и на проблему *contiones* в целом, нашли развитие в историографии? Стефан Хрисантос, например, пишет о том, что именно «лагерная» *contio* могла являться важным воплощением *libertas*: в некоторых случаях, считает он, мнение воинов достигало командования не только официальными

⁹¹ *contio significat conventum, non tamen alium, quam eum, qui <a> magistratu vel a sacerdote publico per praeconem convocatur.*

⁹² См. прим. 1.

⁹³ *Pina Polo. Las contiones... P. 7.*

⁹⁴ Конечно (и в этом прав Мюллер) традиция отражает страх перед неконтролируемыми собраниями (*Liv. XXXIV. 2. 4*; ср.: *Val. Max. IX. 1. 3*), с другой, сама же традиция свидетельствует о том, что тенденция элиты – преувеличивать эту опасность в своих интересах (*Liv. XXXIV. 5. 5*).

путями (через ряд инстанций или в *contiones*, созванных командующим), но и неофициальными. Среди последних исследователь называет не просто несанкционированные собрания, но именно несанкционированные *contiones* (*tumultuous unauthorized contiones*) в противовес официальным (*official contio*; *contiones called by a commander*). Интересно, что далее С. Хрисантос пишет именно о правах граждан на проведение таких собраний в самом Риме. Причем он считает, что «в лагере они расширились, и солдаты имели больше возможностей, чем невооруженные сограждане в Риме». Солдат были тысячи, они были хорошо организованы и связаны воинской клятвой. И, конечно, они были вооружены⁹⁵. Таким образом, исследователь полагает возможным говорить о том, что это право усиливалось (или обеспечивалось) оружием и организацией солдат, но сам его исток находился в гражданской сфере, а реализация происходила на несанкционированных сходках. Хрисантос никак не развивает этот свой тезис, не исследует собственно исток права на свободу собраний (или слова) в гражданской сфере. Мы же попытались затронуть именно этот вопрос.

В историографии можно иногда обнаружить упоминания о неких «неформальных собраниях» *наряду* со сходками (соответственно, последние понимались, видимо, только как созывавшиеся должностными лицами)⁹⁶. Вероятно, прав Р. Кэйстер, который, расширяя понятие народной сходки, называет *contio* высокоорганизованной формой деятельности, которая ежедневно имела место на «открытых площадках публичной жизни»: на улицах, рынках больших и малых городов⁹⁷.

Наконец, представляется особенно интересной позиция К. Николе, который одним из первых заявил о необходимости более внимательного изучения сходок. Николе прямо указывает, что были *contiones*, где председатель – магистрат, и были *coetus*, где инициатор – немагистрат. *Coetus* «тяготели» к тому, чтобы восприниматься как «мятеж», «хотя они и не запрещались, и не преследовались» (*they were neither forbidden nor repressed*)⁹⁸. Единственное, с чем мы не можем согласиться в его трактовке, так это с тем, что необходимо четко различать *contio/coetus* по признаку председатель – магистрат/немагистрат.

Немногочисленность работ, где предлагается в чем-то иной, чем у Пина Поло, подход, может частично объясняться тем, что в исследуемой римской практике, с развитием политической системы, все меньше оставалось «места» для спонтанной сходки, и это фиксируется многочисленными источниками об эпохе упадка Республики. Но законодательное, прямое и полное запрещение таких сходок, если и было зафиксировано, то только в период Империи⁹⁹. Однако даже Дион

⁹⁵ *Chrissanthos S.G.* Freedom of Speech and the Roman Republican Army // *Free Speech in Classical Antiquity* / Ed. I. Sluiter, R.M. Rosen. Leiden, 2004. P. 345–350, 360–365.

⁹⁶ *Ward A.M.* How Democratic Was the Roman Republic? // *New England Classical Journal*. 2004. N 2. P. 115; *Connolly J.* Crowd Politics: The Myth of the «*Populus Romanus*» // *Crowds* / Ed. J.T. Schnapp, M. Tiews. Stanford, 2006. P. 92–93; *Gordon S.* Controlling the State. Constitutionalism from Ancient Athens to Today. Cambr.–L., 1999. P. 104–105.

⁹⁷ *Kaster R.A.* Emotion, Restraint, and Community in Ancient Rome. Oxf., 2005. P. 97.

⁹⁸ *Nicolet C.* The Citizen: The Political Man // *The Romans* / Ed. A. Giardina. Chicago–London, 1993. P. 42–43.

⁹⁹ Действительно, в Дигестах можно встретить определение «смуты» как беспорядка и сходки (*coetus*) среди множества людей, правда речь идет о совершении посредством такой сходки уголовного преступления, см. XLVII. 8. 4. 3 (ср. 10. 7. 5); XLVIII. 6. 5; 6. 10; 7. 4. Хотя на каком-то этапе несанкционированные сходки (*coetus*) уже было запрещено организовывать в принципе, без уточнения их направленности, «даже и ветеранам»

Кассий, когда от имени Мecenата описывал преимущества монархии (Dio Cass. LII. 30. 2), отмечал, что «прежде всего, простой народ не должен иметь власти ни в каких вопросах и вообще сходиться на какое-либо собрание... нет нужды собираться ни для судебных заседаний, ни для выборов должностных лиц, ни на иные собрания подобного рода, где должны приниматься какие-либо решения» (пер. К.В. Маркова, А.В. Махлаюка). Речь идет о собраниях, принимавших решения. Но на сходках решения не принималось. Не должно ли это свидетельство также учитываться, когда мы говорим и о традиционной легитимности несанкционированной сходки? Даже в период кризиса III в. н.э. наблюдается восстановление в кризисной ситуации механизма делегирования potestas contionandi самими собравшимися на сходку, зафиксированного одним из авторов Historiae Augustae (SHA. Gord. 7–8)¹⁰⁰. Выступал velut contionabundus Мавриций – представитель сословия декурионов, частное, а не должностное лицо, однако пользовавшийся «большим влиянием». В конечном итоге, следствием стало появление нового императора, т.е. сходка здесь не только не нуждалась в легализации, но сама легализовала нового правителя. Вероятно, именно условия кризиса сделали возможным такое своеобразное возвращение к реалиям более раннего времени в эпоху III в. н.э.¹⁰¹

Если возможности для обращения к народу по политическим вопросам в эпоху Империи сократились, то такое обращение в целях «самопрезентации», как назвал эти цели Т. Хабинек, оставались¹⁰². Исследователь пишет: «хотя речи так называемых софистов не касались политики как таковой, в них все же звучали вопросы взаимоотношения городов, национальной идентичности, ссылки на мощь Империи и пр.»¹⁰³. У Тацита (Ann. I. 72) четко сказано, что Тиберий отошел от принципа, по которому «осуждались дела, слова не влекли за собой наказания» (пер. А.С. Бобовича, ред. Я.М. Боровского). Напротив, правление

(Dig. XLVII. 11. 2 (ср.: XLVIII. 4. 1): Sub praetextu religionis vel sub specie solvendi voti coetus illicitos nec a veteranis temptari oportet). Это, кстати, свидетельствует не только о том, что прямое законодательное запрещение такой сходки относится только к эпохе Империи, но и о том, что такая практика (особенно – среди ветеранов), по-видимому, оставалась даже и тогда весьма распространенной. В военно-уголовном праве были все-таки введены санкции за выкрики и высказывание командирам претензий «в неподобающей форме» (Махлаюк. Солдаты... С. 230). Но, с другой стороны, Евсевий (Hist. eccl. VII. 11. 4. 10) сообщает о запрете императором Валерианом собраний христиан. Соответственно, для нехристиан можно допустить существование свободы собраний (по крайней мере, религиозных, но последнее понятие – весьма растяжимое). Таких попыток запретить собрания именно христиан было много и соответствующие законы постоянно повторялись. Следовательно, даже такое запрещение собраний, возможно, не выполнялось в то время.

¹⁰⁰ «Тогда некий декурион по имени Мавриций, пользовавшийся среди африканцев большим влиянием, обратился... к городскому и сельскому народу, словно на сходке (velut contionabundus), с речью...» (пер. С.Н. Кондратьева).

¹⁰¹ В связи с этим не выглядит совсем противоречащей нашей интерпретации даже та, довольно критическая, оценка, которую дал рассматриваемому сообщению М.И. Ростовцев: «Маврикий и его речь могут быть выдумкой, но то положение, которое ему приписывается, показывает, что биограф точно знал, кто были те люди, которые подняли революцию в Африке» (Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. В 2-х томах. Т. 2 / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб., 2000. С. 376–377. Прим. 28).

¹⁰² Habinek Th. Ancient Rhetoric and Oratory. Oxf., 2005. P. 14.

¹⁰³ Ibid. P. 15. Хотелось бы в этом месте сослаться на М.И. Ростовцева (Ук. соч. Т. 1. С. 117–118), писавшего о политической и социальной «пропаганде философов».

«хорошего принцепса» обязательно должно было включать формулу примерно такого содержания: «каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает» (Тас. Hist. I. 1; пер. Г.С. Кнабе; речь идет о правлении Траяна). Интересно, что даже в I в. н.э., как заметила Е.М. Штаерман, «личные взгляды и убеждения особым стеснениям по-прежнему не подвергались», в частности, «кинники... на перекрестках и площадях выступали перед толпой с речами, обличавшими пороки общества, знатных лиц и самого императора»¹⁰⁴. Очевидно, что свои корни такая традиция должна была иметь в эпоху Республики, хотя по этому поводу имеются разные точки зрения¹⁰⁵.

Действительно, уже в период поздней Республики несанкционированные сходки претендовали максимум на то, чтобы стать официальными, будучи возглавленными должностными лицами. И это, еще раз подчеркнем, проявление кризиса Республики. Но законность несанкционированной сходки косвенно подтверждается как раз тем фактом, что имевшие место в период Поздней республики нарушения конституции (по крайней мере, легитимности или просто республиканской политической традиции)¹⁰⁶ непосредственно приводили к тому, что именно несанкционированная сходка и разгонялась (чего ранее не наблюдалось), и переставала оказывать заметное влияние на *res publica*. Аппиан сообщает (XIV. 130–132; XV. 3) о двух случаях, наводящих на мысль о несанкционированной *contio*, но в первом из этих эпизодов одна сторона в происходивших спорах собралась, вероятно, не по своей инициативе, а была куплена за деньги (что и определило ее позицию заранее); а во втором – спонтанно возникшая на форуме сходка была силой оружия разогнана, и именно вследствие этого без суда погибли многие граждане. Даже в условиях второго триумvirата, как нам кажется, «по инерции», несанкционированное собрание иногда все же указывало на наиболее непопулярные действия «властей», позволяя избежать, когда это было возможно, открытого конфликта. Мы можем, в связи с этим, лишь предполагать, насколько более эффективным мог быть этот институт в период ранней и классической Республики. Несанкционированные *contiones* людей, лишавшихся земли, отдаваемой солдатам Октавиана (41 г. до н. э.), ни к чему не привели, несмотря на сочувствие в среде жителей самого Рима и массовости собраний (App. XVII. 12–13). Возможно также, что в Позднюю республику право частных лиц организовывать сходки все же было ограничено: Цицерон пишет (*De leg. agr.* II. 91), что капуанцы не могли созывать конции, так как не имели для этого *potestas contionandi*, потому что у города не было должностных лиц (хотя нужно учитывать особое положение этой общины). Это сообщение (помимо того, что оно уникально) относится к периоду кризиса Республики. Механизм несанкционированных сходок, который, на наш взгляд, означал в первую очередь контроль со стороны граждан действий должност-

¹⁰⁴ Штаерман Е.М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. №2. С. 51.

¹⁰⁵ О проблеме свободы слова см., в частности: *Frank T. Naevius and Free Speech* // *AJPh*. 1927. № 48. P. 105–110; *Robinson L. Freedom of Speech in the Roman Republic*. Johns Hopkins University Diss. Baltimore, 1940; *Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambr., 2004. P. 18–20; *Raaflaub K.A. Aristocracy and Freedom of Speech in the Greco-Roman World* // *Free Speech in Classical Antiquity* / Ed. I. Sluiter, R.M. Rosen. Leiden, 2004. P. 54–58.

¹⁰⁶ Это проявлялось и на официальных сходках, оказывавшихся в конце Республики гораздо чаще, чем до этого, беспокойными и опасными, ср. *Nicolet. Le métier de citoyen...* P. 387; *Moreau. Donner la parole...* P. 175–176.

ных лиц, выражавшийся в требовании у последних отчета или определенных действий (законопредложения, созыва сената и т.п.), включался теперь редко и далеко не всегда успешно действовал.

Неслучайно поэтому наиболее показательные примеры относятся ко времени начала Республики: со временем *contio*, которая, если солидаризироваться с Дж.У. Ботсфордом¹⁰⁷, выросла из собраний *первобытной общины*, все более полно включалась в публично-правовую организацию *государства*. Конечно, при этом, магистраты и сенат стремились контролировать эти собрания, монополизировать право на их созыв и руководство ими. В значительной степени (и все эффективнее с течением времени) им это удавалось: развивалась официальная сходка как государственно-правовой институт. Но именно те случаи, которые мы рассматривали в данной статье, свидетельствуют не только о том, что процесс этот был длительным и монополия эта возникла далеко не сразу, но и о том, что на законодательном уровне и несанкционированная сходка, хотя бы потому что запрещались (если запрещались) лишь конкретные ее формы, долгое время оставалась *легальным общественно-политическим институтом*.

В целом можно выделить ряд факторов, которыми определялось значение несанкционированных сходок и их эволюция; 1) с развитием Республики несанкционированные сходки ограничивались все сильнее; 2) в условиях спокойного развития (не кризисного) роль таких собраний была менее существенна; 3) при вмешательстве магистрата любая сходка, хотя и не могла быть разогнана, должна была подчиниться его руководству; 4) поскольку республиканский Рим обходился без полиции, не существовало самой возможности разгонять многочисленные несанкционированные собрания (проходившие параллельно), – следовательно, нужно было признавать на практике законность таких собраний. Но за магистратами сохранялось право воздействовать (с опорой на авторитет сената) на «наиболее опасные» сходки угрозой применения санкций (хотя бы против лидеров, а не против массы граждан).

Первая сецессия, когда у патрицианских властей не оказалось средств силой воздействовать на плебс (фактически – армию), дает нам пример не просто легитимной (и легальной) несанкционированной сходки, но и сходки, на которой были впервые озвучены идеи, впоследствии закрепленные в виде важных изменений римского публично-правового устройства. В.Н. Токмаков заметил, что нередко консулы оказывались не в силах запретить тайные (и даже открытые) сходки воинов в лагере¹⁰⁸, и вынуждены были признать их наличие. Но можно ли говорить о легальности, если она вызвана непреодолимым давлением народа (плебейской массы)? Вероятно, да, ведь теоретически суверенитет римского народа признавался в античной традиции. В данном конкретном случае этот суверенитет реализовывался на практике. Государственный суверенитет *populus Romanus* – прямое и неизбежное проявление полисных основ римской организации. Полис, будучи коллективом граждан, всегда поддерживает в своей идеологии представления о верховенстве народа, о его праве определять судьбу общины, а для этого проводить массовые собрания. Таким образом, мы делаем вывод о том, что несанкционированную сходку следует считать легитимным общественно-политическим институтом Римской Республики.

¹⁰⁷ Botsford. The Roman Assemblies from their Origin to the End of the Republic. N.Y., 1909. P. 473, а также 153.

¹⁰⁸ Токмаков В.Н. К вопросу о военных правомочиях консулов в публичном праве архаического Рима // IVS ANTIQVVM. Древнее право. № 2 (12). 2003. С. 90.

В республиканскую эпоху сходки, как официальные, так и, по нашему мнению, несанкционированные, обеспечивали диалог между правившей элитой и массами, способствовали формированию принципа представительности в римской публично-правовой системе, поскольку заставляли римских политиков в той или иной степени «представлять интересы» гражданского коллектива, имевшего много возможностей, в том числе и посредством такого общественно-политического института, как несанкционированная сходка, по меньшей мере, заявить о своих действительных интересах. Не случайно история римской *contio*, по всей видимости, тянулась еще из времен первобытной общины и продолжалась в течение всей римской истории и даже, в некотором смысле, за ее хронологическими рамками¹⁰⁹.

UNSANCTIONED *CONTIONES* AS A POLITICAL INSTITUTE OF THE ROMAN REPUBLIC

V.V. Dementyeva, R.M. Frolov

The authors maintain that unsanctioned *contio* of the Roman people (i.e. *contio* not summoned by a magistrate) can be considered an important political institute in Roman public life. Special attention is paid to the fact that unsanctioned (unofficial) *contiones* were held in accordance with customs and laws, to their organization and to their considerable practical importance. E.g., unsanctioned *contiones* headed by private persons (plebeian leaders) were important factors of political stability in the early republic: they helped to establish peaceful dialogue, they did not contradict laws and traditions and served public interest.

Though the authors recognize a high degree of formal organization of official *contiones*, they argue that it should not be exaggerated. On the other hand, unsanctioned *contiones* were legitimate, as may be deduced not only from particular accounts of narrative sources, but also from legal sources. As well as a sanctioned *contio*, an unsanctioned one was well within certain frames of law and tradition. The authors of the paper point out and explain the fact that unsanctioned *contio* could not be dismissed only by appealing to it, which implied its being recognized as sanctioned. The fact that the XII Tables forbid only night-time unsanctioned gatherings (*coetus nocturni*) means that other gatherings were not illegal. The sources do not show any other restrictions concerning unsanctioned (spontaneous or not initiated by a magistrate) gatherings under republic. Though assemblies in question were gradually restricted by the law, the process became intense only in the late Republican period; it was only in the Empire that unsanctioned *contiones* were completely forbidden.

Further attention is focused on the terminology used in the sources. *Contio* was not the only term used to denote official assembly; but the same word was used when an unsanctioned gathering was meant.

The authors conclude that in the republican time unsanctioned *contiones* functioned as an established, important and recognized political institute as well as official *contiones* summoned and headed by a magistrate. They ensured a legal dialogue between the elite and the masses and helped to develop the principle of representation in the system of public law.

¹⁰⁹ Весьма интересны параллели, просматривающиеся в употреблении термина *contio*, между римским временем, временем Бонкомпаньо да Синья (XIII в.) и временем Николло Макиавелли, когда Италия освободилась из-под опеки Империи (XVI в.). В понимании Бонкомпаньо да Синья сходка – это страсти и обман, соединяющиеся с волеизъявлением народа. Для Макиавелли, *contio* – это уже олицетворение «мудрости народа» и его суверенитета (*Gerbier L. Parler au peuple: la pratique de la contio de l'Antiquité a la Renaissance // http://www.erytheis.net/texte-integral.php3?id_article=65*).